

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:14

Л. М. Архипова

Образ России в контексте польской национально-политической идеологии сарматизма

В статье решаются несколько актуальных для современной исторической науки задач. Во-первых, автор, опираясь на принципы имагологического анализа, осуществляет деконструкцию образа России как «чужого», созданного в поденных «Записках» Станиславом Немоевским, участником польской интервенции начала XVII в. Во-вторых, в статье раскрываются новые информативные возможности данного исторического источника, который раньше привлекался исключительно в конкретно-историческом значении при исследовании событий Смуты и не изучался как социокультурный феномен. В-третьих, персоналистский дискурс представлений о России позволил автору статьи обогатить политологические знания о польской национально-политической идеологии сарматизма живыми образами и психологическими наблюдениями. Наконец, в условиях появления в сфере публичной истории публикаций первоисточников без необходимого профессионально выполненного комментария профессионально выполненную интерпретацию источника личного происхождения следует признать полезной и актуальной.

Ключевые слова: имагологический анализ, деконструкция образа, культурное самосознание поляков, Станислав Немоевский, русская вера, сарматский дух.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. M. Arkhipova

The Image of Russia in the Context of the Polish National and Political Ideology of Sarmatism

In the article several tasks urgent for the modern historical science are solved. First of all, the author, relying on the principles of the imagologic analysis, performs a deconstruction of the image of Russia as the «stranger» created in day «Notes» by Stanislaw Nemoyevsky, a participant of the Polish intervention in the beginning of the 17th century. Secondly, in the article new informative opportunities of this historical source are revealed, which was used only in a certain historical meaning in research of events of the Strife and wasn't studied as a sociocultural phenomenon. Thirdly, the personalistic discourse of ideas of Russia allowed the author of the article to enrich political knowledge about the Polish national and political ideology of sarmatism with live images and psychological observations. Finally, in conditions when in the sphere of public history there are publications of primary sources without the necessary professionally executed comment, it is necessary to recognize professionally executed interpretation of the source of the personal origin useful and urgent.

Keywords: imagologic analysis, deconstruction of the image, cultural consciousness of Poles, Stanislaw Nemoyevsky, Russian belief, Sarmatian spirit.

Духовный смысл Смуты как столкновения двух религиозных сил – православной и католической – вполне определенно отразился в агиографическом повествовании о преподобном Иринархе, затворнике Ростовском. Воевода Миккульский угрозой смерти склонял старца к измене и «подивился великой вере» его. Пан Кирбитский «дивился» его трудам в затворничестве. Сапега получил пророчество: «Если же не уйдешь из России ... и не послушаешь Божия слова, то будешь в России убит!», не поверил ему и

был убит [3, с. 53–54]. В трех представителях польской шляхты последовательно выразились три особенности бытования сарматского католичества: признание политического выше духовного, непостижимость аскезы – подвига самоотречения во имя Господа, пренебрежение верой русских как неистинной верой.

Эти черты культурного самосознания поляков – участников интервенции в Россию в начале XVII в. – можно признать архетипическими, что подтверждает имагологический анализ их соб-

ственных исторических свидетельств, к числу которых относятся «Записки» Станислава Немоевского. Они составлены в распространенной в то время форме дневника путешественника, о чем говорит авторское название: «Дневник пути и разных случаев, веселых и печальных...» [2, с. 39].

Выбранная форма повествования задавала программу наблюдений. Не случайно одна из двух сохранившихся редакций рукописи находилась в общем фонде архивных документов XVIII в. и имела заглавие «Россия. Дневник и описание земли, границ, лесов, зверей, птиц...». Материал наблюдений в ней был систематизирован тематически: «Главные города», «О средствах этого государства», «Владычества или епископства этого государства» и т. д. [2, с. 34].

В основу русской публикации 1907 г., осуществленной ростовским краеведом А. А. Титовым (1844–1911), легла вторая редакция, по убеждению польского историка А. Гиршберга (1847–1907), авторская, в которой материал систематизирован по денно. Записи, синхронные путешествию, были впоследствии обработаны Немоевским как в стилистическом, так и в содержательном отношении, в них были вставлены сочиненные фрагменты, в которых он ясно выразил свои религиозные и политические взгляды. Кроме полного текста всех челобитных, в «Записках» представлены речи, диалоги, частью услышанные непосредственно, частью воспроизведенные по рассказам других участников событий и записанные автором со значительной долей самостоятельной интерпретации. Важно отметить, что независимо от разницы редакций, «Записки» предназначались для публичного предъявления соотечественникам, представителям того же аристократического круга лиц, к которому принадлежал Станислав Немоевский.

Благодаря исследованию А. Гиршберга известно, что автор «Записок» принадлежал к роду «Rola» богатой шляхты, имевшей к концу XVI в. достаточно высокое положение в феодальной иерархии, занимал сенаторские должности и даже выполнял службу воеводы, как и младший брат Станислава. Сам автор, получив западноевропейское образование в университете Падуи, стал одним из королевских дворян и не однажды до своего московского путешествия выполнял ответственные поручения посла. Его успешная служба Сигизмунду III была отмечена (не позднее 1603 г.) назначением на придворную должность великого коронного подстолия [2, с. 23].

Несмотря на то, что, по версии автора, он оказался в России по личному поручению сестры Сигизмунда III шведской королевы Анны с целью выгодной продажи части ее драгоценностей самозванцу Дмитрию, можно предположить, что у великого коронного подстолия были также поручения дипломатического свойства. На эту мысль наводят два факта. В 1606 г. он участвовал в доверенном совещании «нарочного» посольства в Москве по вопросу о притязаниях Дмитрия на императорский титул. Кроме того, Немоевский не был в числе родных и личных друзей Мнишков, но он «не раз беседовал с самим Дмитрием вполне доверено». Это признание плохо соотносится с убежденностью Немоевского в подлинности царского достоинства Дмитрия. В Москве новоявленный самодержец стремился действовать в духе русской власти, допуская к аудиенции только лиц ближнего круга. Следовательно, Немоевский не был просто частным лицом, присоединившимся к свите Марины Мнишек в качестве попутчика [2, с. 25, 100]. В последующее время, сколько не пытались высококочетимые паны, Немоевский и его спутники, встретиться лично с царем Василием Шуйским, они наталкивались на многозначительное молчание, подкрепляемое выражением священного отношения русских к персоне самодержца.

Двойственная роль Станислава Немоевского в московском путешествии отразилась в том, что его наблюдательный взгляд был обращен не только на этнографические факты, но и на признаки хозяйственного, финансового, военно-стратегического состояния России. Он скрупулезно подсчитывал количество мостов через многочисленные речки, интересовался укреплением городов, крепостей, качеством вооружения войска, уровнем военных умений воевод, судил о размере доходов царского двора, митрополитов и патриарха, крупных монастырей.

В начальный период своего путешествия, с момента пересечения границы до восстания в Москве (18.04. – 27.05.1606), Немоевский находился в элите польского сопровождения Марины Мнишек, не испытывая тревоги, депрессии, раздражения. В это время он обладал денежными средствами, имуществом и 15 холопами. Затем, во время пребывания в Ростове, когда его лишили части имущества, он испытывал замешательство по поводу своего неопределенного положения – уже не свободного, но все же пока ни в чем не обвиненного (21.08. – 25.11.1606). Тогда его надежда на скорое возвращение в Польшу гра-

ничила с уверенностью. Находясь уже в белозерском остроге (15.12.1606 – 10.06.1608), не имея известий не только из Речи Посполитой, но и о событиях в России, в полном неведении относительно своего будущего, в роли пленного, у которого последние личные средства для поддержания жизни быстро сокращались, он доходит до отчаяния, граничащего с самоубийством.

Когда путешествие, обещавшее развлечение и удовольствия, обернулось трагедией, дневник приобрел дополнительное значение – стал служить Немоевскому психологической поддержкой. В белозерский период основным содержанием «Записок» становятся многочисленные челобитные царю и описание собственного душевного состояния, взаимоотношений с соотечественниками – «друзьями по несчастью».

Образ России, ее народа, власти, веры, культуры создавался автором «Записок» в духе отчетливо выраженного «чужого», и эта очевидная неприязненность переросла во враждебность по мере развития жизненных коллизий автора. Арест, плен, стычки с местным населением, конфликты с приставами обостряли противопоставление «своего» и «чужого», которое достигло кульминации в июне 1608 г. Потеряв всякую надежду на благополучный исход, поляки стали опасаться нападения стрельцов на острог. Тогда они договорились выставлять по ночам караул из 12 человек, чтобы не перебили их, «захваченных врасплох и без какой-либо отместки» [2, с. 274].

Примечательно, что в тексте крайне редко встречаются этническое, государственно-национальное названия нашей страны и людей, ее населявших, нет психологизма в характеристике народа. Вместо этого следует однозначное и неизменное его именование как варварского. «Быдло» («bydlo»), «животные» и «варвары» – самые часто используемые Немоевским синонимы русского народа и, наряду с ними: «подносок народов» («faex gentium»), «хуже, чем скотина», «глупцы и вырожденки давней святой греческой церкви», «глупый и трусливый народ», «продажный и лживый», «злой и грубый», «проклятые от церкви», «подлая толпа», «сволочь» т. п. [2, с. 129, 137, 150, 151, 156, 163, 167, 191, 286]. Оценка относится не к какой-то категории населения или должностных лиц, она служит основанием целостного образа «чужого» народа и включает царя, его родственников, дьяков, монахов и др. – всех русских.

Так, автор использовал в «Записках» «копию» царской грамоты, предложив читателю самому

убедиться в интеллектуальной неразвитости «варваров», самостоятельно составить «понятие о канцелярском *stylum* этих затейливых риторов» [2, с. 166]. Разоблачить фальсификацию «копии» царской грамоты не составляет труда для сколько-нибудь знакомого с аналогичными актами начала XVII в.

При описании въезда Марины Мнишек в Москву значение «богато убранного лошака» оказывается выше, чем московских бояр, которые представлены как сопровождавшие его для передачи сендомирскому воеводе [2, с. 52]. Жалкий вид в этой сцене у боярина Василия Шуйского, приветствовавшего Мнишек «кратко, с робостью и по записке, вложивши ее в шапку» [2, с. 54].

Немоевский сконструировал реальность, в которой несомненным являлось культурное превосходство польской аристократии над русской правящей элитой. Это подчеркивается назидательной, полной примерами из древней истории Востока и Рима речью А. Стадницкого «о первых причинах образования общества и соединения людей». Она обращена к Дмитрию Шуйскому при их встрече для решения вопроса о судьбе арестованных поляков. Красноречивыми штрихами к образу «варвара» служат ремарки о восприятии Д. Шуйским «интеллектуала» Стадницкого: «(chlop) смешался», «сильно вертелся варвар при первой речи, ... не понимая...», «это он говорил, чтобы показать, как они внимательны и знают, что делается на свете» [2, с. 166–177].

При решении задачи создания образа «чужого» литературными средствами Немоевский, по видимому, увлекся формой, стилем, лексикой и акценты сместились от смысла встречи к характеру общения. Между тем значение речи сводилось к обоснованию предательства. Стадницкий уговаривал Шуйского: «А вам, собственно, что убудет на том, что король польский станет московским великим князем, когда вы лично и ваше потомство (насколько последнего хватит) спокойно процарствуете?» [2, с. 176]. Характерно в этом сюжете то, что автор построил привлекательность аргумента в пользу измены на признании личных интересов выше государственно-национальных, а также проявил очевидное лицемерие: человеку, который только что в тексте назван холопом («chlop»), обещают царскую власть. Не лишнее напомнить, что Дмитрий Шуйский был родным братом царя Василия Шуйского и в этом качестве встречался со Стадницким. Из рассмотренного факта текстовой ре-

альности еще не следует, что Немоевский допускал предательство как естественное право личности отдать предпочтение собственным интересам перед государственными, но можно уверенно принять, что в контексте утверждаемого им культурного превосходства Польши над Россией «чужому» народу заведомо отказано в духовно-нравственной мотивации поступков.

Об этом свидетельствуют также описания автором быта, нравов и поведения русских людей, из которых сложился образ «чужого» народа в «Записках» Немоевского. Уменьшительные, уничижительные слова («покоики» вместо покоев, «крепостцы» вместо крепостей, «плохонький», «скверненьких», «худые кафтанишки», «казацкие сабленки», т. п.) приобретают символическое значение как показатель ничтожности всего русского [2, с. 40, 43, 44, 49, 53, 55]. Дома – из «необтесанных круглых бревен, ... малы и низы», «с большими неудобствами», Кремль в Смоленске – «масса клетушек, точнее хлевов, обведена стеной, ... загон», государевы покои – «довольно мелкие и низкие, из нетесаного круглого дерева, окна – малы», местечко для царского отдыха в Вязьме – «дом из необтесанного дерева, окружен острогом», ружья – «заржавелые», кони – «клячи», вино – «плохое», разнообразие медов – «ни одного хорошего», города – «немалое количество изб вместе, что они и называют городом», стрельцы – «трудно видеть больше извозчиков вместе – на них они были больше похожи, чем на пехоту», драбанты с алебардами – «ремесленники, всякая дрянь», соболи – «хотя и плохи, но все же соболи» и т. д. [2, с. 40, 44, 46, 50, 51, 53, 55, 75, 195–200]

В строе русской жизни было и то, что привлекло автора «Записок» как необыкновенное: «колокол весь вызолоченный, немалый, а другой – наполовину», но тут же следовало замечание «у этих людей вся религия в колоколах и образах» [2, с. 51]. Золото, серебро, драгоценности, меха, – все то, что в огромном количестве было подарено самозванцем Марине или составляло свадебное убранство московского Кремля, украшало наряды, посуда из золота на праздничных столах, – Немоевским подсчитывалось, перечислялось, переводилось на вес и польские злотые [2, с. 43, 44, 49–52, 75–77, 78–81, 88, 93, 97]. При этом все равно он не упустил возможности связать мимоходом: «Золото-то, однако, никакого вкуса не придавало кушаньям» [2, с. 94].

Символы грубости и отсталости русских поставлены во взаимосвязь с азиатчиной, поскольку,

по мнению автора, невежественные обычаи они восприняли от татар, «некогда своих господ, будучи у них долгое время в неволе». Главным средством формирования отвращения к русским выбраны физиологические характеристики: знатные боярыни настолько густо белятся и румянятся, что даже зрачки глаз «чернят», «тарелок не употребляют, из мисок едят горстью», кости бросают под стол, младенцев не материнским молоком, а от коровьего вымени «выкармливают на скотской пище, а потому ... и скотская острота ума» [2, с. 78, 80, 195–200] и т. п.

Можно было бы предположить, что негативные впечатления о России в «Записках» сложились под влиянием пережитых невзгод, превратностей судьбы. Действительно, при сравнении первоначальной рукописи с последующей редакцией видно, что после возвращения домой автор скорректировал свои характеристики русского быта в сторону еще большего уничижения. Но это верно лишь отчасти, поскольку изначально в основе отношения Немоевского к России как к «другой» стране было осознание цивилизационного превосходства Польши как мира католического над «русской верой», что наиболее прямолинейно выражено в сюжетах, связанных с вероисповеданием и образом «своего».

В каждой челобитной Немоевский называл царя Василия Шуйского христианским царем, подчеркивал единоверие и призывал к братскому милосердию «Христа-ради». Своим соотечественникам-читателям дневника он пояснял: «Пусть никто не удивляется такому письму нашему к этому проклятому самодержцу..., надо было принаравливаться к скотине» [2, с. 246].

В сочиненной им в «Записках» публичной речи Юрия Мнишек к «самодержцу» Дмитрию в день приезда Марины Мнишек в Москву 12 мая 1606 г. подчеркивалось скорое достижение цели – «единства католической церкви»: «Радуетесь весь христианский мир..., видя, что Господь Бог подарил ... государя, дающего обет себе – вместо старого разъединения – единения церкви Божьей. Радуются обширные христианские области – одни, будучи в тяжелом поганском ярме, другие – встревоженные суровой их судьбой, что уже подходит время соединения христианских монархов в единомыслии и избавления церковью Божьих из мерзких и идолопоклонством оскверненных рук» [2, с. 56–57, 58].

Автор «Записок» не высказывает своего отношения к православию, к греческой церкви, но упоминает ее как святую и приведенный фраг-

мент это подтверждает. Однако «русская вера», а только так Немоевский называл религиозные проявления «варваров», понималась как нехристианская: русские как люди безбожные, превратившие святу ю веру в суеверие. Те, кто принял крещение «по-русски», отступив от своего прежнего вероисповедания, «продают свою душу дьяволу, становясь отщепенцами от католической церкви» [2, с. 155, 192]. Он не признавал христианского единства двух народов: «Пусть вероотступники познают, что Ты – *наш католический Бог* и не терпишь поругания, которое творят святой своей Церкви» [2, с. 240].

Вопросы вероисповедания рассмотрены автором в практическом и церковном значении, религиозные различия отмечены в повседневной и обрядовой плоскости без обращения к богословским сюжетам, что служит еще одним отражением непризнания русских христианами.

Мечтая о личном освобождении из плена, Немоевский в своих планах видит Польшу могущественной после войны с Россией. Он мысленно призывает Сигизмунда III не только вернуть силой то, «что так долго удерживала, на великий наш срам, эта *faex gentium*¹», но и не сдерживать себя от «наложения ярма на это быдло». Воскрешение «славы военного народа, доблестных богатырей сарматских» должно произойти именно благодаря победе над москвитями. Воображение рисовало и славу, и труд рабов, и расширение границ, – все то, что послужит главной цели: «Мы не только в Европе стали бы могущественнее других народов, но имя наше сделалось бы грозным для Азии и всего поганства..., а выше всего – расширение и соединение соборной католической церкви и приобретение такого количества душ для Господа Бога» [2, с. 240].

Образ России, созданный Немоевским, прежде всего, раскрывает ментальность шляхтича – сармата, каким он и сам себя называет. Сарматизм как польская национально-патриотическая идеология формировался со второй половины XV в. и ко времени появления «Записок» представлял доктрину этнического и социального превосходства, берущей свое начало от свободолюбивых и воинственных сарматов польской шляхты над славянскими «хлопами» и «быдла». Речь Посполитая признавалась польской шляхтой как идеальное пространство – государственное («золотая свобода», «шляхетская демократия»), конфессиональное (католицизм), национальное (избранный народ). Ее миссия понималась как борьба с языч-

никами (татарами, турками), схизматиками, то есть москалями, украинскими и запорожскими казаками, с протестантами – Швецией и Бранденбургом. Со временем «сарматский дух» проник в католицизм польского дворянства, наполнив его мифами и легендами об особом покровительстве Христа и Богородицы польской земле и исключительном героизме сарматов. Мессианство, этноцентризм в единстве с религиозной нетерпимостью послужили «системообразующим фактором ментализации и этнополитической самоидентификации шляхты» [1].

По мере проникновения сарматизма в общественное и личное культурное самосознание польского дворянства его этнопсихологический тип приобрел характерные черты, отмеченные многими исследователями, в том числе польскими [5]. Среди негативных проявлений называют сословно-корпоративный эгоизм, сарматско-католический персонализм, отсутствие авторитета как адаптивного архетипа, осознание и поддержание иерархичности шляхты, чванливость, высокомерие, самолюбование, неспособность реально оценить ситуацию.

Увидеть все эти черты в живом воплощении индивидуальности можно, обратившись к «Запискам» Станислава Немоевского. Этот источник давно известен историкам Смуты, он привлекался для реконструкции отдельных ее событий, но до сих пор не исследован как социокультурный феномен. Очевидно, что информационный пласт этого источника, связанный именно с характеристикой культурного самосознания одного из представителей сарматско-католической шляхты, является главной исторической ценностью «Записок».

Библиографический список

1. Бухарин, С. Н., Ракитянский, Н. М. «Россия и Польша – опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации» [Электронный ресурс] / С. Н. Бухарин, Н. М. Ракитянский // Сайт «Западная Русь». – Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/geobib/2011-08-03-16-33-54/412-2011-08-11-14-53-11.html> Проверено 18.02.2016.
2. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского [Текст] / Станислав Немоевский. – Рязань : Александрия, 2007. – С. 39–332.
3. Преподобный Иринарх, затворник Ростовский (†1616) [Текст] // Жития русских святых: 1000 лет русской святости / сост. мон. Таисия (Т. Ю. Карцева) /

Преподобный Ирinarх. – М. : Спасское братство, 2010. – С. 49–57.

4. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Иидрик, 2000. – 272 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Poljaki_i_russkie_v_glazah.pdf Проверено 16.02. 2016.

5. Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века [Электронный ресурс] : сборник тезисов. – М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. – 102 с. – Режим доступа : http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Slavjane_i_sosedi_tezisy.pdf Проверено 16.02.2016.

Bibliograficheskiy spisok

1. Buharin, S. N., Rakitjanskij, N. M. «Rossija i Pol'sha – opyt politiko-psihologicheskogo issledovanija fenomena limitrofizacii» [Jelektronnyj resurs] / S. N. Buharin, N. M. Rakitjanskij // Sajt «Zapadnaja Rus'». – Режим доступа: <http://zapadrus.ru/bibli/geobib/2011-08-03-16-33-54/412-2011-08-11-14-53-11.html> Проверено 18.02.2016.

2. Zapiski Stanislava Nemoevskogo (1606–1608). Rukopis' Zholkevskogo [Tekst] / Stanislav Nemoevskij. – Rjazan' : Aleksandrija, 2007. – S. 39–332.

3. Prepodobnyj Irinarh, zatvornik Rostovskij (†1616) [Tekst] // Zhitija russkih svjatyh: 1000 let russkoj svjatosti / sost. mon. Taisija (T. Ju. Karceva) / Prepodobnyj Irinarh. – М. : Spasskoe bratstvo, 2010. – S. 49–57.

4. Poljaki i russkie v glazah drug druga / отв. ред. V. A. Horev. – М. : Iidrik, 2000. – 272 s. [Jelektronnyj resurs]. – Режим доступа: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Poljaki_i_russkie_v_glazah.pdf Provereno 16.02. 2016.

5. Slavjane i ih sosedi. Jetno-psihologicheskij stereotip v srednie veka [Jelektronnyj resurs] : sbornik tezisov. – М. : Institut slavjanovedenija i balkanistiki RAN, 1990. – 102 s. – Режим доступа : http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Slavjane_i_sosedi_tezisy.pdf Provereno 16.02.2016.

¹ Презрительное: осадок народов (отстой).